

КАНСКИЙ

вопросы русской литературы

ВЫПУСК 1(10)

Межнациональные взаимоотношения русской литературы

М. Г. Соколянский

■

Литература английского Просвещения в оценках Пушкина

Пушкин и западноевропейская просветительская мысль. Этой важной проблеме посвящено немало трудов, авторы которых, как правило, выясняют значение идей французского Просвещения для формирования взглядов великого русского поэта на природу, общество и искусство. Это понятно: ведь контакты русской и французской культур были особенно тесными, да и в идеологии европейского Просвещения первенствовала тогда именно Франция.

«...Европа, оглушенная, очарованная славою французских писателей, преклоняет к ним подобострастное внимание. Германские профессора с высоты кафедры провозглашают правила французской критики. Англия следует за Францией на поприще философии...»¹, — писал Пушкин без преувеличения о «незабвенном» восемнадцатом столетии. Заметим, однако, что мнение его справедливо, покуда речь идет о философии, социологии, истории. На художественную литературу французская гегемония в такой мере не распространялась, и не на родине Вольтера появились многие ростки нового, просветительского искусства, а подчас и новых идей. Так, зачатки якобинства Байрон усмотрел еще в «Джонатане Уайльде» Филдинга — романе, вызвавшем недовольство российской императрицы Екатерины II. Припомним к тому же, сколь многим обязаны Вольтер — Свифту, Руссо — Ричардсону и Стерну, европейская журналистика — Стилю и Аддисону. Несомненно, мимо художественных открытий английских просветителей не могли пройти ни французская, ни какая-либо иная литература.

«...Английская словесность начинает иметь влияние на русскую, — писал двадцатитрехлетний Пушкин из Кишинева Гнедичу. — Думаю, что оно будет полезней влияния французской поэзии, робкой и жеманной...»². Аналогичные суждения содержатся и в письмах поэта Вяземскому от 6 февраля и 19 августа 1823 года. Но не слишком ли субъективно мнение Пушкина?

По-видимому, нет. Во времена Пушкина даже старшее поэтическое поколение интересуется английской литературой. Известна, например, приверженность Жуковского к поэзии Томсона, Грея, Юнга. А вот что говорит Белинский в «Речи о критике»: «...Что же касается до английской литературы, с нею наша была знакома еще до Жуков-

¹ Пушкин о литературе. «Academia», М.—Л., 1934, стр. 337.

² Там же, стр. 21.

кого; сам Карамзин писал о ней в своем путешествии, даже перевел монолог Лира во время бури и отрывок из Оссiana...»³. Помимо Карамзина и Жуковского, можно назвать немало русских просветителей, проявлявших серьезный интерес к английской литературе: Новиков, Бобров, Десницкий, Курганов и, наконец, Радищев. Впоследствии английские писатели становятся все более популярными в России. Среди друзей Пушкина были любители и знатоки английской поэзии: А. Бестужев, П. Вяземский, Н. Раевский, С. Соболевский и др.

Вполне очевидно, что, отзываясь восхищенно об «английской словесности», Пушкин имел в виду не только своих кумиров: Шекспира, Мильтона, Байрона, но и некоторых литераторов т. н. «века Августа». Уже на заре своей английская просветительская литература, в отличие от французской, освободилась от уз классицизма и это обстоятельство не могло не привлекать молодого Пушкина в период, когда в России не утихали баталии между «классиками» и «романтиками». О неподдельном интересе поэта к творчеству английских просветителей можно судить, обратившись к каталогу его личной библиотеки⁴.

В библиотеке А. С. Пушкина представлено довольно солидное собрание книг английских писателей XVIII в. Есть здесь «Робинзон Крузо» Дефо в оригинале и на французском языке, его же «История лондонской чумы»; полное собрание сочинений Свифта в восемнадцати томах; и отдельно: его письма в шести томах и «Путешествия Гулливера», вышедшие в 1821—1824 гг., восемь томов лондонской серии «Ballantyne's novelist Library». Серия включала все романы Филдинга и Ричардсона, обе книги Стерна, пять романов Смоллета и его перевод «Дон Кихота» Сервантеса, «Векфильдский священник» Гольдсмита, отдельные романы С. Джонсона, Х. Уолпола, Клары Рив, Маккензи и пр. Был там французский перевод романа Годвина «Калей Вильямс». Поэзия представлена сборниками Попа, макферсоновскими «Балладами Оссiana» (в оригинале и по-французски) и французскими переводами из Юнга; публицистика — «размышлениями» Берка о французской революции.

Творчество английских просветителей привлекает внимание Пушкина еще до того, как он выучился английскому языку (до тех пор он пользовался русскими и французскими переводами). И естественно, что в 20-е гг. русский поэт не может не интересоваться английской поэзией века минувшего, подготовившей в значительной степени появление его любимцев Байрона и Скотта. Предполагается⁵, что пушкинскому перу принадлежит заметка в № 5 «Литературной газеты» за 1830 год о том, как д-р Джонсон разоблачил Макферсонов подлог с «Балладами Оссiana»⁶; в «Замечаниях на «Песнь о полку Игореве» находим упоминание об аналогичном случае из истории английской литературы XVIII в. — разоблачении Уолполом подлога Чаттертона. В отдельных стихах, статьях, письмах рассыпаны небезыңтересные упоминания о Попе, Грее, Юнге, Томсоне.

К поэзии английского Просвещения Пушкин относится весьма критически. Естественно, что он сопоставляет ее с поэзией предшествующей и последующей эпох. В известном письме А. Бестужеву поэт отвергал идею постепенности в развитии литературы: «...У англичан

³ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI. Изд-во АН СССР, М., 1955, стр. 292.

⁴ Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина, СПб., 1910.

⁵ Б. Томашевский. Пушкин. Л., 1925, стр. 118—126.

⁶ О пушкинском восприятии поэзии Макферсона см.: Е. Балобанова и Н. Пиксанов. Пушкин и Оссiana. В кн.: А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. под ред. С. Венгерова, 1907, т. I, стр. 98—114.

Мильтон и Шекспир писали прежде Аддисона и Попа, после которых явились Southey, Walter Scott, Moog и Byron — из этого мудрено вывести какое-нибудь заключение или правило...»⁷. Не только Байрона, но и поэтов «озерной школы» предпочитает Пушкин Попу, Грею, Юнгу, не разделяя восторгов Жуковского.

Правда, есть у Пушкина и замечание иного характера о Юнге: «...Lamartine скучнее Юнга и не имеет его глубины...»⁸. Нужно учесть, что в данном случае Юнг сравнивается с представителем тогдашней французской поэзии — «робкой и жеманной». Английская поэзия XVIII в. рассматривается Пушкиным на фоне общего развития национальной литературы, и тогда следует вполне определенный вывод: «...поэзия в отечестве Шекспира и Мильтона становится суха и ничтожна, как и во Франции...»⁹. И далее мысль не менее интересная: «...Ричардсон, Филдинг и Стерн поддерживают славу прозаического романа»¹⁰. Творения этих трех прозаиков представляли наибольший интерес для Пушкина.

Упоминание имени Ричардсона среди тех, кто «поддерживает славу» английского романа, может удивить любителя пушкинской поэзии. Сколько иронических замечаний в адрес этого писателя содержится в одном только «Евгении Онегине»! Здесь и строфа, посвященная госпоже Лариной (хотя здесь прямой объект иронии, — Ларина, «рикошетом» достается и ее любимому романисту):

«Она любила Ричардсона
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтоб Грандисона
Она Ловласу предпочла.

Но в старину княжна Алина,
Ее московская кузина,
Твердила часто ей об них...» —

и беглое суждение о «бесподобном» Грандисоне, «который нам наводит сон» и т. п.

А вот первые отзывы Пушкина-читателя об английском романисте. В Тригорском он нашел французский перевод «Клариссы Гарлоу» и в письме брату Льву Сергеевичу (1824 г.) делился своими впечатлениями: «...читаю Клариссу, мочи нет какая скучная дура!»¹¹. Кстати, и Байрон в 1814 г. писал, что не смог осилить «Клариссу» и, дескать, потому не вправе судить о ней¹². Так что, видимо, не качество перевода виной ироническому отношению Пушкина к автору «Памелы» и «Клариссы».

Некогда громкая слава Ричардсона к началу нового века поблекла даже на родине писателя. И автор «Повестей Белкина» предоставляет читать Ричардсона персонажам вроде мисс Жаксон — сорокалетней чопорной девицы, «которая белилась и сурмила себе брови, два раза в год перечитывала «Памелу», получала за то две тысячи рублей и умирала со скуки в этой варварской России...»¹³.

Но как совместить со всем этим замечание о «славных романах» Ричардсона и, наконец, литературные вкусы любимой героини Пушкина Татьяны, которая «влюблялась в обманы Ричардсона» и «воображалась Клариссой»?

Пушкин, осознавая всю анахроничность манеры Ричардсона, не принимая его пресного морализаторства, отлично понимал значение этого писателя для английской и европейских литератур. Свидетельст-

⁷ Пушкин о литературе, стр. 75.

⁸ Там же, стр. 305.

⁹ Там же, стр. 337.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, стр. 52.

¹² Байрон. Дневники. Письма. «Наука», М., 1965, стр. 193.

¹³ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в VI томах, т. IV, М., 1949, стр. 99—100.

вом широты пушкинских взглядов может служить и оценка, данная роману Ричардсона в статье «Мысли на дороге»: «...Понятие о скуке весьма относительное. Книга может быть очень хороша (опровержение знаменитого вольтеровского тезиса! — М. С.); не говоря об книгах ученых, но и об книгах, написанных с целью просто литературною. Многие читатели согласятся со мною, что «Кларисса» очень утомительна и скучна, но со всем тем роман Ричардсонов имеет необыкновенное достоинство...»¹⁴.

И, наконец, сам Пушкин задумал свой «Роман в письмах» в манере Ричардсона. Роман не был окончен, но и те несколько писем, что были написаны, дают представление о положительном отношении Пушкина к жанру, созданному английским романистом. Кстати, имя Ричардсона упоминается в письмах пушкинских героинь; если поверхностная Саша не надеется прочесть Ричардсона (ей и Вальтер Скотт скучен), то мыслящая Лиза признается, что чтение Ричардсона дало ей повод к размышлениям¹⁵.

Генри Филдинг вошел в историю английского романа как антипод Ричардсона: пародируя «Памелу», он отвергал морализаторскую суть ричардсоновских романов и издевался над ограниченностью его идеалов. В приведенном же выше высказывании Пушкина имена Ричардсона и Филдинга стоят рядом¹⁶.

Но вместе с тем Пушкин проводит четкую границу между этими писателями. Филдинг отличается от своего старшего современника недюжинным чувством юмора. «Англия есть отечество карикатуры и пародии. Всякое замечательное происшествие подает повод к сатирической картинке; всякое сочинение, озаглавленное успехом, попадает под пародию...»¹⁷, — писал русский поэт в «Литературной газете». Если бы он пожелал проиллюстрировать этот тезис, наверное, упомянул бы и филдинговского «Джозефа Эндрюса». Филдинг для Пушкина прежде всего сатирик и юморист, не случайно его имя соседствует с именем Мольера в первом пушкинском отзыве о книге Гоголя: «...Мольер и Филдинг, вероятно, были бы рады рассмешить своих наборщиков...»¹⁸.

В статье «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и прочем» великий поэт обрушивался на аристократическое чванство и снобизм в литературе. Утверждая, что разночинцы по происхождению «...могут быть почтенными писателями, если они люди с дарованием, образованностью и добросовестностью, а не фигляры и не наглецы», он обращается к примерам: «...Филдинг и Лабрюер не были ни статскими советниками, ни даже коллежскими асессорами...»¹⁹.

В наше время пушкинские оценки кажутся абсолютно закономерными и удивления не вызывают. В пушкинский же век, несмотря на достаточную популярность английского просветительского романа в читательской публике, профессиональная критика часто судила по-иному. Даже Белинский в статье «Разделение поэзии на роды и виды» писал пренебрежительно не только о Ричардсоне, но и о Филдинге, а в другой его статье содержится замечание общего характера: «...В XVIII в. роман не получил никакого определенного значения.

¹⁴ Пушкин о литературе, стр. 312.

¹⁵ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., в VI томах, т. IV, стр. 42—43.

¹⁶ Заметим, что в позднейшем литературоведении нередко выясняется общее в романах Филдинга и Ричардсона. См., например: W. Park. Fielding and Richardson. — PMLA. 1966. LXXXI. N 5.

¹⁷ Пушкин о литературе, стр. 252.

¹⁸ Там же, стр. 197.

¹⁹ Там же, стр. 195. В действительности Филдинг был не разночинцем, а выходцем из обедневшей дворянской семьи. — М. С.

Каждый писатель понимал его по-своему. Ричардсон и Филдинг делали из него картины частной семейной жизни, с целью установить для нее неизменяемые моральные правила, и потому он у них был длинен, растянут, чопорен, поучителен и сух...»²⁰.

Для Белинского, который не только Сервантеса и Скотта, но даже и Купера предпочитал английским просветителям, Филдинг и Ричардсон суть авторы одной и той же «морально-романтической» школы. Критик определяет в их романах недостаточность романтической страстности. Для Пушкина же Ричардсон и Филдинг — явления принципиально различные. Филдинг не только отказался от сентиментального дидактизма Ричардсона, но пародировал его — потому он и его произведения значительно ближе зрелому Пушкину с его реалистическими требованиями. Отношение поэта к Филдингу перекликается с оценками Байрона, назвавшего автора «Тома Джонса» «Гомером человеческой природы в прозе». В признании заслуг английских романистов, и в частности Филдинга, в понимании общих закономерностей развития мировой прозы Пушкин-критик в конце 20-х г. значительно опередил Белинского и некоторых других критиков 30—40-х гг.

Правда, одно высказывание создателя «Евгения Онегина» о Филдинге существенно разнится от остальных. В 1825 г. поэт писал Н. Равенскому: «...Существует и еще одна склонность (склонность, достойная романа Авг. Лафонтена): создав в своем воображении какой-нибудь характер, писатель старается наложить отпечаток этого характера на все, что заставляет его говорить, даже по поводу вещей, совершенно посторонних (таковы педанты и моряки в старых романах Филдинга)...»²¹.

Замечание это тем более любопытно, что среди персонажей в романах Филдинга моряков нет (если не считать один раз упомянутой группы матросов, подкупленных лордом Фелламаром и связывающих Тома Джонса); моряки же встречаются на страницах романа Смоллета. Недоразумение проистекает от того, что в русском издании «Похождения Родрика Рендома» (1788 г.), как и первая часть «Хемфри Клинкера», были ошибочно приписаны Филдингу. Создатель «Тома Джонса» был настолько популярен во второй половине XVIII в., что русские переводчики и издатели приписывали ему романы Смоллета, Сары Филдинг и прочих авторов. Кстати, «пальма первенства» в той лутанице, которая ввела в заблуждение и Пушкина, принадлежит французскому переводчику, приписавшему «Родрика Рендома» Филдингу²²; русский же переводчик пользовался французским текстом, а не оригиналом. Пушкин, по-видимому, читал Смоллета в русском переводе, а английское издание приобрел уже позже.

Когда А. С. Пушкин писал с явным сожалением: «...Sterne нам чужд, за исключением Карамзина...»²³, — он явно стеснял краски. В конце XVIII — начале XIX вв. Стерн был очень популярен в России²⁴. Среди его почитателей в русской литературе были и В. Жуковский, и А. Грибоедов, и, конечно, автор «Путешествия из Петербурга в Москву». Некоторые авторы (например, Г. П. Макогоненко в книге «Радищев и его время») делают попытки отгородить Радищева от Стерна. Эти попытки неосновательны прежде всего потому, что сам

²⁰ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. X, стр. 104.

²¹ Пушкин о литературе, стр. 81.

²² См.: А. В. Запавов. Английские авторы в изданиях Н. И. Новикова. Сб.: «Русско-европейские литературные связи». «Наука», М—Л., 1966.

²³ Пушкин о литературе, стр. 555.

²⁴ См.: В. Маслов. Интерес к Стерну в русской литературе конца XVIII и начала XIX вв. Историко-литературный сб., посв. В. И. Срезневскому, Л., 1924.

Радищев в известном письме С. И. Шешковскому признавался, что три писателя повлияли на создание его «Путешествия»: Гердер, Рейналь и Стерн. И главное — жанровая близость книги Радищева к «Сентиментальному путешествию» очевидна. Творчество Стерна было поднято на щит Карамзиным и его последователями. Противники карамзинистов нередко склоняли имя Стерна в язвительных стихах и эпиграммах. Шаховской написал даже комедию «Новый Стерн», где в образе сентиментального путешественника графа Пронского высмеял если не самого Карамзина, то В. Измайлова.

Пушкин, оценивая русский сентиментализм, умел отделить эпигонов от Карамзина и тем более от Стерна. О Шаховском же он писал: «...Шаховской же не имеет большого вкуса, он худой писатель», — инкриминируя ему прежде всего водевиль «Новый Стерн» — «холодный пасквиль на Карамзина»²⁵.

Пушкин познакомился со Стерном в 1821 г. во французском переводе, а впоследствии прочитал в оригинале оба романа родоначальника сентиментализма. Знакомство это отнюдь не было поверхностным; достаточно вспомнить суждение Пушкина по поводу частного наблюдения автора «Сентиментального путешествия»: «...Стерн говорит, что живейшее из наших наслаждений кончается содроганием почти болезненным. Несносный наблюдатель! Знал бы про себя, многие того не заметили б...»²⁶. Оба романа Стерна вызывают восхищение русского поэта. «...Вся «Лалла Рук», — пишет он о поэме Томаса Мура, — не стоит десяти строчек «Тристрама Шенди»²⁷. По воспоминаниям А. О. Смирновой, Пушкин как-то убеждал ее перевести на русский язык «Сентиментальное путешествие», а о Гоголе однажды выразился, что тот «будет русским Стерном», ибо «он все видит, он умеет смеяться, а вместе с тем он грустен и заставит плакать»²⁸.

Интересно, что имена А. Пушкина и Л. Стерна несколько раз ставились критиками рядом. Так, в 1828 г. критик «Атеней», анализируя вновь вышедшие главы «Евгения Онегина», упрекал Пушкина за отступления в ходе романа, говоря, что это просто «наросы к рассказу, по примеру блаженной памяти Стерна...»²⁹. И еще один случай: почти сто лет спустя Д. Якубович в статье «Предисловие к «Повестям Белкина» и повествовательные приемы Вальтер Скотта» проводит аналогию между предисловием к «Повестям Белкина» и отдельными отрывками из прозы Стерна³⁰.

Замечание Пушкина о благотворности взаимодействия английской и русской литератур оказалось прозорливым, да и сам поэт был активным пособником такого творческого взаимодействия. Поэтому его общий взгляд на английскую словесность, включая и столь важный ее этап, как литература эпохи Просвещения, особенно интересен и значителен.

Оценки, данные великим поэтом творчеству различных английских писателей XVIII в., вносят дополнительные штрихи в облик Пушкина-критика. Снова убеждаешься в хорошей осведомленности его в вопросах западной литературы и что еще важнее — в широте его воззрений. Именно последнее обстоятельство дало возможность Пушкину оказаться впереди многих современников — писателей и критиков — в понимании истинного хода развития просветительской литературы в Западной Европе.

²⁵ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. V, стр. 527.

²⁶ Пушкин о литературе, стр. 110.

²⁷ Б. Л. Модзалевский. Пушкин. «Прибой», Л., 1929, стр. 413.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Пушкин в мировой литературе. Сборник статей. Л., 1926, стр. 382—383.

Сознавая, что многие общеевропейские литературные тенденции восемнадцатого столетия выросли на английской почве, Пушкин справедливо полагал, что основным достижением литературы английского Просвещения является «прозаический роман». Его правоту подтвердило все развитие европейского критико-реалистического романа, генетически связанного с романом Филдинга, Смоллета, Стерна.

Определенное отношение к произведениям английских авторов, приятие или неприятие отдельных сторон их творчества не могло не отразиться и на художественной практике самого Пушкина. Очень важной, на наш взгляд, является мысль В. М. Жирмунского, говорящего об отличии «Евгения Онегина» от байроновских поэм: «...в стихотворной форме Пушкин осуществляет задание психологического романа, развертывающегося в известной семейной и бытовой обстановке, задание, в котором он не имеет предшественников в поэтической литературе и скорее приближается к тем формам повествовательной прозы, которые уже в XVIII веке являются на смену энической поэзии высокого стиля...»³¹. Однако вопрос о традициях романа XVIII в. в творчестве Пушкина-романиста выходит за рамки поставленной темы и, по всей вероятности, требует специального исследования.

³¹ В. М. Жирмунский. Байрон и Пушкин. «Academia», Л., 1924, стр. 192.

Кафедра зарубежной литературы Одесского университета.